

ся скорее исключением). Традиционно отмечается и скромная емкость магазина, который помещает всего восемь патронов, что приобретает дополнительное значение в совокупности с относительно неудобным принципом извлечения магазина в контексте боевой скорострельности. В то же время ситуации, при которых сотрудники применяют или используют более 16 патронов при выполнении одной задачи, не связанной с проведением специальной операции, в практике ОВД отнюдь не имеют массового характера. Еще один часто называемый недостаток – это небольшой ресурс, заявляемый изготовителем у выпускаемых в настоящее время пистолетов в районе 4 000 выстрелов. Однако при замене боевой пружины настрел в целом составляет 40 000 выстрелов и более. В дополнение нельзя не отметить, что в настоящее время пистолеты Макарова, выпущенные в 1950-х и 1960-х гг., при своевременном обслуживании находятся в ОВД Республики Беларусь в полностью работоспособном состоянии, что наглядно опровергает вышеназванный тезис. Отдельные эксперты также отмечают необходимость приложения значительного усилия для нажатия на спусковой крючок, отсутствие передовых прицельных приспособлений и возможности крепления дополнительного оборудования, неэргономичную рукоятку, а некоторые указывают на неэстетический внешний вид.

Каким же образом данные вопросы решены в разработанном концерном «Калашников» под руководством Дмитрия Лебедева ПЛК и действительно ли существует необходимость его срочной закупки для оснащения органов и подразделений внутренних дел Республики Беларусь?

В сравнении с пистолетом Макарова ПЛК выглядит следующим образом: ширина 23 см (у ПМ – 30,5); длина – 180 (против 161); высота – 130 (126,75); емкость магазина – 14 (8); калибр – 9*19 (9*18); вес без патронов – 710 (730). Органы управления у ПЛ двусторонние – предохранители, кнопка выброса магазина и рычаг ствольной задержки у него есть и справа, и слева, что делает его удобным в использовании и для стрелков-правшей, и для левшей. Пистолет Лебедева обладает превосходной эргономикой, в том числе позволяющей на ощупь определять, заряжен ли пистолет, и допускает использовать дополнительное оборудование, в том числе подствольные фонари, прицепы и лазерные целеуказатели. В специальной литературе также отмечается, что подброс ПЛК при выстреле меньше, чем у ПМ, что позволяет легче контролировать отдачу пистолета, повышать кучность и скорость стрельбы при уменьшении времени повторного прицеливания после выстрела.

Исходя из озвучиваемых характеристик ПЛК действительно является современным оружием ближнего боя (легким, узким, удобным) с расширенными возможностями, предназначенным для выполнения органа-

ми правопорядка как повседневных, так и специальных задач. В то же время пистолет Лебедева значительно дороже и разработан под патроны калибра 9*19 ПМ, что делает невозможным использование патронов, закупленных ранее под ПМ.

Таким образом, в современном мире пистолет Макарова остается одним из самых качественных и надежных пистолетов. В настоящее время ПМ имеет внушительный перечень достоинств, среди которых точность на коротких дистанциях, надежность, останавливающий эффект, позволяющий в полном объеме выполнять задачи, стоящие перед ОВД при обеспечении охраны общественного порядка. В связи с этим позволим себе согласиться с военным экспертом, главным редактором отраслевого журнала «Калашников» Михаилом Дегтяревым в том, что «острой необходимости в замене пистолета Макарова не существует». ПЛК действительно по заявляемым характеристикам имеет ряд преимуществ перед ПМ, но это не является критичным, особенно на фоне отсутствия достоверных данных о надежности нового пистолета по результатам проверки длительным временем и многотысячным настрелом. Полагаем, поэтому наиболее целесообразным как с практической (обеспечение эффективности выполнения задач и безопасности сотрудника), так и экономической точки зрения видится оставление на вооружении МВД пистолетов Макарова и оснащение новыми моделями оружия только специальных подразделений для решения конкретных задач. В то же время необходимо внимательно следить за новыми разработками личного стрелкового оружия в мире и процессом перевооружения в Российской Федерации на предмет успехов и возникающих сложностей для формирования готовности к проведению аналогичной процедуры в будущем.

УДК 340.1 + 351.74

Н.М. Дубрава, В.И. Павлов

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ СОТРУДНИКОМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)

Традиционно в русскоязычной общеправовой теории, сформировавшейся на базе советского фундаментального правоведения, выделяют три подхода к пониманию толкования норм права: во-первых, толкование понимается как уяснение смысла правовых норм (мыслительный процесс, протекающий в сознании субъекта толкования) (А.П. Дени-

сов, С.И. Вильнянский, Б.В. Щетинин, С.Г. Дробязко, В.М. Сырых, Ф.Ф. Фаткуллин и др.); во-вторых, сущность толкования составляет разъяснение норм права (объяснение смысла и содержания норм права (правовых предписаний) заинтересованным лицам) (С.А. Голунский, М.С. Строгович, Ю.Г. Ткаченко и др.); в-третьих, толкование представляет собой уяснение и разъяснение норм права (В.В. Лазарев, М.И. Абдулаев, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина, А.Б. Венгеров, С.А. Комаров, А.В. Малько, В.К. Бабаев, А.С. Пиголкин, В.А. Петрушев, К.В. Мельников и др.). По мнению большинства ученых, наиболее предпочтителен третий подход, поскольку в первом и во втором случаях очевиден односторонний характер в понимании толкования как сложного процесса, не исчерпывающего себя только уяснением, или только разъяснением правовых норм, ибо в процессе реализации права нередко требуется не только уяснить смысл нормы права, но и разъяснить его другим лицам.

Однако смена методологической парадигмы в исследовании государственно-правовых явлений на современном этапе открывает для правовой науки иное представление о толковании норм права не как об уяснении и разъяснении их смысла, а как о более сложном процессе понимания и воспроизводства смысла правовой нормы в контексте конкретной жизненной ситуации. Методологические подходы, примененные в новых подходах к толкованию права, связаны прежде всего с юридической герменевтикой, правовой феноменологией и антропологией права, которые рассматриваются в качестве постклассических правовых концепций. В общетеоретической юриспруденции на сегодня сформировался консенсус относительно сосуществования двух юридических дискурсов – классического и постклассического, которые развиваются параллельно и на современном этапе находятся в состоянии поиска координированной позиции. Постклассический подход, впрочем, можно именовать просто современной методологией правопознания, поскольку в его рамках в качестве философско-методологических оснований используются не новоевропейские методологические концепции второй половины XVIII–XIX вв., включая марксизм (в том числе в его советской интерпретации), а актуальные философские теории.

Среди белорусских ученых, в той или иной степени использующих постклассическую методологию в правовом познании, следует назвать В.Н. Бибило, Г.А. Василевича, И.Л. Вершок, С.Е. Данилюка, О.Н. Здрок, С.А. Калинина, Н.Ф. Ковкель, А.Б. Лепешко, В.В. Марчука, С.Н. Матараса, Л.О. Мурашко, В.И. Павлова, А.Л. Савенка, Е.В. Семашко, С.М. Сивца, В.М. Хомича, А.Г. Тиковенко, С.П. Чигринова и др.

В правовой науке ближнего зарубежья постклассические исследования представлены прежде всего работами российских и украинских ученых А.С. Александрова, М.В. Ульмер-Байтеевой, Ю.Ю. Ветютнева, Т.Л. Воротилиной, Ю.А. Гавриловой, Л.И. Глухаревой, А.И. Клименко, Е.М. Крупени, В.В. Лазарева, С.И. Максимова, А.Ю. Мордовцева, А.И. Овчинникова, М.И. Пантыкиной, Д.А. Пашенцева, Н.В. Разуваева, А.В. Скоробогатова, А.В. Стовбы и др. В западном правоведении постклассические правовые исследования представлены П. Шлагом (США), К. Коссио (Аргентина), Р. Сичесом (Испания), Б. Мелкевиком (Канада), Р. Алекси (Германия), Дж. Финнисом (Англия), М. ван Хуком (Бельгия), Й. Тонтти (Финляндия) и др.

Суть антрополого-правового подхода к теории толкования права заключается в адаптации к методологии теории толкования положений юридической герменевтики, структурной лингвистики и феноменологии права. В теории толкования усложняются положения: 1) о лице-субъекте толкования; 2) о правовой норме, ее онтологических структуре и статусе; 3) о контексте толкования права, в качестве которого выступает юридический дискурс, понятый в данном смысле в юрисдикционно-практическом аспекте. Отметим, что методы толкования, разработанные в рамках традиционной теории толкования и связанные в основном с формально-догматическими и юридико-техническими аспектами права, не отрицаются в новом методологическом подходе. Напротив, нередко они приобретают новый концептуальный смысл и усиливают свои инструментальные возможности, будучи включенными в постклассический контекст.

В традиционной теории толкования права субъект толкования рассматривается с позиции выполнения им функции прямого отражения нормативного материала в правовом сознании. Это классическая субъект-объектная методологическая позиция, примененная к теории толкования права. Согласно ей предполагается, что, во-первых, правовая реальность, выступающая объектом толкования права, тождественна нормативной правовой реальности; во-вторых, что в случае выявления нетождественности всегда имеются объективные правовые образования, позволяющие привлечь институциональные средства для завершения процесса толкования (способы преодоления пробелов в праве, принципы права и т. д.); в-третьих, что лицо-субъект толкования не участвует и не должен участвовать в процессе производства нормативной реальности, поскольку она представлена институционально.

В антропологической концепции права применительно к теме толкования лицо рассматривается как активный правовой деятель, человек в праве. Юридически значимая активность состоит в том, что правовой

деятель выступает не только как субъект отражения нормативной реальности права, но лицо, участвующее в довершении нормативности. В связи с этим нередко в современной теоретико-правовой литературе для такой характеристики лица используют не термин «субъект толкования», а термины «агент» или «актор толкования», которые указывают на отсутствие субъект-объектной методологической схемы применительно к толкованию права. Приведенная характеристика правотолкователя, впрочем, не означает, что его правовая активность основана на релятивном отношении к правовым предписаниям и игнорировании их текстуальных границ. Она означает особую онтологию правовых норм, обоснованную нами в рамках разработки антропологической концепции права (Павлов, В.И. Конструкция нормы права в контексте антропологического типа правопонимания / В.И. Павлов // Ежегодник Нижегородской академии МВД России «Юридическая техника». 2013. № 7. Ч. 2. С. 556–564).

В контексте антрополого-правового представления, правовая норма по своей онтологической структуре состоит из смыслового и знаково-текстуального слоев и в зависимости от выдвигаемой концепции правопонимания может существовать на различных уровнях правовой реальности. В антропологии права, равно как и в постклассическом правоведении в целом, правовой смысл нормы рассматривается как *способ понимания*, возможный только в конкретной юридически значимой ситуации. Это дает основание сделать вывод, во-первых, о существовании не одного, а как минимум двух правовых смыслов в контексте правового предписания, и, во-вторых, о существовании нормы как смыслового образования на уровне правового сознания лица, работающего с нормой.

Данный вывод имеет непосредственное значение для антропологии права, связанное с тем, что все антрополого-правовые образования потенциально могут участвовать в работе с правовым смыслом. Именно на этом основании в американском правовом реализме является руководящей идеей о том, что «право это то, что о нем думают судьи». Но не только в правопорядках системы общего права, но и в континентальной правовой традиции аналогичные идеи высказывались не один раз. Например, Г. Кельзен в обосновании ступенчатой системы права, несмотря на то что его концепция основана на исключении любых внедеонтических элементов из правовой реальности, рассматривал все индивидуальные правовые решения как принятые на основании индивидуальных правовых норм. Последние в таком случае есть ни что иное, как проявление антрополого-правовых свойств в рамках судейского активизма. Эта же проблема имеет место, когда речь идет о сложностях понимания не только юридического термина или понятия, включенного в гипотезу

или диспозицию правовой нормы (например, термин и понятие «общественное место» в ст. 19.3 «Распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или на работе в состоянии опьянения» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях), но и самого описываемого правового явления, становящегося таковым вследствие приписывания ему юридического характера. Ведь толкование права или правовых норм в точном смысле слова, согласно вышеуказанному пониманию правового смысла, есть одновременно и толкование-понимание конкретной юридически значимой ситуации, к которой и прилагается правовая норма.

Приведенная методология толкования права и соответствующие ей теоретико-правовые положения инструментального характера приобретают важнейшее значение для разрешения конкретных жизненных ситуаций в деятельности органов внутренних дел. Это связано не только с вниманием, которое должно уделяться грамотной практике толкования правовых норм сотрудниками, но и с переосмыслением значения антрополого-правовых характеристик сотрудников в осуществлении права. Последние имеют важнейшее значение для достраивания нормативного порядка права, в особенности учитывая, что в органах внутренних дел как в любом ином республиканском органе государственного управления практик всегда непосредственно руководствуется актами, более низкими по юридической силе как более конкретизированными и специализированными с позиции их функционального юридического содержания. В органах внутренних дел это приказы, а также акты, утверждаемые приказами – инструкции, положения (устава), правила, регламенты. Такие акты, несмотря на их конкретизированный характер, оправданно динамичны и их применение почти всегда сопровождается таким явлением, как правоприменительные обыкновения, которые, как правило, создают широкий контекст толкования права. Правоприменительное обыкновение представляет собой сложившийся на практике в конкретном органе, подразделении, в определенной сфере деятельности не урегулированный нормами материального и процессуального права порядок действий субъекта правоприменения, выступающий в качестве организационно-технического и (или) организационно-управленческого средства сопровождения правоприменительной деятельности и направленный на обеспечение связи между процессуальными нормами и их организационно-правовую поддержку (Павлов, В.И. Обыкновения правоприменительной практики: понятие, правовая природа и практическое значение / В.И. Павлов // Юстиция Беларуси. 2018. № 6. С. 40–45).

Хотя сложившийся порядок, или образ деятельности при обыкновении непосредственно и не закреплён в правовых нормах, т. е., по сути, лежит вне нормативно-правовой реальности (может закрепляться только в методических рекомендациях, письмах и пр.), тем не менее, он не должен противоречить нормам права. Напротив, он всегда должен соотноситься с достижением правоприменительных целей.

В контексте правоприменительного обыкновения важнейшее значение приобретают антрополого-правовые свойства правоприменителя – конкретного сотрудника органов внутренних дел. Несмотря на то что при обыкновении как вненормативном способе регулирования для сохранения целевой ориентации того или иного порядка деятельности предельным ориентиром выступают принципы правоприменения в той или иной отрасли права, законодательства или юридической процедуры (принципы оперативно-розыскной, криминалистической, административно-процессуальной деятельности и т. д.), нередко на практике их недостаточно. В правотолковательной деятельности, особенно в случае коллизии между нормами, позициями вышестоящих органов по разъяснению того или иного локального правового предписания правоприменители руководствуются своими личностными правовыми свойствами, среди которых главное место занимают личностные правовые ценности. Они, по сути, являются почти единственными пределами и гарантиями правильного толкования правовых норм. Именно личностное ценностное позиционирование является в этом случае практически единственным гарантом соблюдения пределов и адекватности толкования права в контексте правовой неопределённости, а главной личностной правовой ценностью в этом случае является справедливость. Разумеется, последняя не есть обыденное представление лица с позиции его общегражданских притязаний, не говоря уже о политических, экономических и иных притязаниях, а формируется в контексте профессионального юридического опыта и связанных с ним ценностных коннотаций.

Помимо нормативной системы права и сопровождающих её правоприменительных обыкновений, в деятельности органов внутренних дел важнейшее значение имеет и юридическая дискурсивная практика (юридический дискурс), в контексте которой происходит толкование права. В традиционной общеправовой теории в связи с этим обычно ведут речь о юридической практике, однако это понятие не раскрывает всей сложности правотолковательной деятельности. На неё оказывает влияние не только собственно сложившаяся практика толкования правовых норм как составная часть процесса правоприменения, но, в соответствии с методологией дискурс-анализа: а) язык юридической рациональности, т. е. способы интерпретации юридических понятий и право-

вых актов; б) сопровождающее его юридически значимое поведение; в) агент юридического дискурса; г) включённая в дискурс нормативная система права (Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В.И. Павлов. Минск, 2017. С. 183–187). В этой связи отсутствие учёта таких факторов может приводить к неверному толкованию права. В качестве примера следует привести сложность понимания ст. 205 «Кража» Уголовного кодекса Республики Беларусь в контексте проблемы разграничения краж и присвоений найденного имущества. Новый подход к толкованию данной статьи в связи с указанной проблемой начал применяться примерно с 2015 г. в связи с необходимостью защиты прав собственников утерянного имущества, прежде всего дорогостоящих мобильных устройств, почти всегда поддающихся идентификации при их последующем использовании завладевшим. Ранее в практике квалификации указанной статьи такой подход не применялся, содержание знаково-текстуального уровня правовой нормы, отражённой в ст. 205 Уголовного кодекса Республики Беларусь, осталось неизменным. Однако неопределённость правового смысла нормы нередко приводила к неверному толкованию даже при наличии разъяснений компетентных государственных органов.

Таким образом, постклассическая методология права имеет важнейшее значение для совершенствования теории толкования права. Несмотря на то что в деятельности органов внутренних дел, связанной с применением норм охранительных отраслей права, используются максимально формально-определённые и детально регламентированные юридические средства (правовые нормы, процедуры и т. д.), тем не менее, понимание толкования права как простого отражения нормативного материала является недостаточным. Не только появление новых правоотношений, связанных с усложнением верного понимания защиты нарушенного права и соответствующей квалификации деяния, но и новая методология правового познания определяют разработку новых подходов к правотолковательной деятельности.

УДК 351.74:65

А.Н. Какора

СТАНОВЛЕНИЕ КАДРОВЫХ АППАРАТОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Эффективное функционирование органов внутренних дел зависит от многих факторов, наиболее значимым из которых является наличие высокопрофессионального, стабильного, нравственно и психологиче-